

JEZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

DOI: 10.31648/an.7431

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАГМАСТИЛИСТИКИ. ЧАСТЬ 1¹

THEORETICAL PROBLEMS OF PRAGMASTYLISTICS. PART 1

Aleksander Kiklewicz

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie / University of Warmia and Mazury in Olsztyn

e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Keywords: stylistics, functional stylistics, functional style, pragmatics, pragmastylistics, Russian language

Abstract: The author presents the theoretical basis for linguistic research, whose subject is the interaction of two disciplines: stylistics and pragmatics. In the first part of the article, the author provides a brief overview of the history and problem fields of both disciplines, emphasizing the fact that each of them has its own characteristics from conceptual and ontological points of view. In the second part, the author considers stylistics and pragmatics in the general semiotic model as two “dimensions” of linguistic signs. In addition to the three dimensions introduced by C. Morris, i.e., syntactics, semantics, and pragmatics, the author introduces stylistics as the relation (according to the principle of correspondence) of signs to their socio-cultural environment, i.e., their practical/instrumental context. The author distinguishes between two directions within the framework of pragmastylistic studies. The indicative aspect consists of the study of pragmatic characteristics of separate styles, in other words, in the description of the style employing the conceptual apparatus of pragmalinguistics (such concepts as illocutionary function, speech act, pragmatic strategy, pragmatic implication, pragmatic operator, etc.). The applicative aspect of pragmatic studies is the study in the use of stylistic means of language (i.e., stylistically marked lexical forms and their constructions) for the implementation of different types of speech acts.

¹ Статья написана на основе пленарного доклада, прочитанного автором 8 сентября 2021 г. на международной конференции «Стиль – коммуникация – культура» (Братислава).

Введение

В 80-е и 90-е годы прошлого века, когда в связи с развитием дискурсивного и разговорного анализа усилился интерес к функционально-коммуникативным аспектам стиля, появились (главным образом, в западном языкознании) новые направления стилистических исследований: разговорная стилистика [Tannen 1984], интерпретативная социолингвистика [Hinnenkamp, Selting 1989] и прагматическая стилистика [Sandig 1986; Hickey 1989; 1993; Sowinski 1991; Fix 1992; 2007]. Последнее направление, состоящее в переориентировании стилистических исследований с описания формальных характеристик отдельных стилей на описание их функционального аспекта, в частности, их функциональной нагрузки в структуре речевых актов и дискурсов, получило довольно широкое распространение среди российских ученых (их краткий обзор будет сделан в третьем разделе статьи). Анализ публикаций позволяет констатировать, что практика исследований в области прагматистики опережает теорию. Общие теоретические предпосылки прагматистического исследования определены недостаточно строго, отсутствует теоретико-семиотическое обоснование интегративного подхода к описанию прагматики и стилистики, не определены основные категории и методы такого анализа. Указанные проблемы найдут отражение в содержании предлагаемой статьи. Поскольку она имеет проблемно-теоретический характер, эмпирический материал будет использоваться в тех случаях, когда представление отдельных понятий и категорий будет более полным и отчетливым благодаря экзemplификации. Языковые иллюстрации заимствованы из текстов разных типов: из художественной литературы, журналистики, интернета.

1. Стилистика и прагматика: конфронтация концепций

Стилистика и прагматика – две области лингвистических исследований, относящихся к социальной лингвистике. Несмотря на то, что обе имеют прямое отношение к социальному контексту речевой деятельности, у каждой из них своя история, свой предмет и свои задачи. Стилистика возникла в Европе в XVIII веке в рамках риторики, а именно – учения об элокуции, т.е. о языковой реализации коммуникативного замысла автора, в частности, об использовании языковых форм, относящихся к одному из трех стилей: высокому, среднему, низкому. Стилистика долгое время рассматривалась как наука о языковых формах художественных

текстов² и только в XX веке обратилась к изучению других форм речевого поведения, в частности, разговорной речи.

Стиль представляет собой категорию языковых форм – «относительно замкнутую систему языковых средств» [Крылова 2004, 261], которые имеют социально-культурную маркированность: они обсуживают «определенную сферу общественной деятельности» [там же; см. также: Kurz, Müller, Pötschke et al. 2000, 35]. В.В. Виноградов [1981, 20] писал, что стилистика языка занимается «частными системами форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка», а к области стилистики речи относил элементы фонетического оформления сообщений (такие, как интонация, ритм, паузы, фразовый акцент и др.).

Стиль представляет собой подсистему языка, удовлетворяющую потребностям речевого поведения в определенной области человеческой деятельности³. Эти области приложения стилей представляют собой категории большего или меньшего формата: коммуникативные сферы (такие, как наука, администрация, СМИ, повседневное общение и др.), общение в рамках социальных групп (так называемых коммуникативных «эхо-камер»⁴), а также индивидуальное поведение. В соответствии с этим различается несколько категорий стиля: функциональный стиль, стиль эпохи, стиль автора, стиль текста [R. Handke 2008, 54]. Эти категории, обычно представляемые в виде перечня-списка, иерархически упорядочены в соответствии с областью их приложения (см. рис. 1). Наиболее общим и широким является понятие функционального стиля (соответствующее определенной сфере или отрасли деятельности), тогда как остальные категории представляют собой подстили, т.е. более частные языковые подсистемы, закрепленные за более узкими сферами употребления [подробнее см.: Kiklewicz 2015, 8 и др.].

Хотя в литературе можно встретить утверждение, что стилистика учитывает употребление языковых элементов «в актах речевой деятельности» [Кожин, Крылова, Одинцов 1982, 9], это не имеет отношения к прагматической теории речевых актов: речь идет всего лишь о том, что стилистически маркированные языковые элементы соответствуют типовым условиям речевой деятельности и вследствие этого соответствия

Рис. 1. Иерархия категорий стиля

² Классическим примером являются «Основания критики» шотландского ученого XVIII в. Г. Хоума [1977; особенно глава XX].

³ М. Фляйшер [Fleischer 2007, 57] квалифицирует такие области деятельности как функциональные системы (наука, политика, техника, религия и т.д.), каждая из которых базируется на определенной программе коммуникации.

⁴ Подробнее об этом см. [Sunstein 2017; Kitchen, Johnson, Gray 2020].

образуют классы (например, такие, как разговорная, научная, художественная лексика и т.д.). В подобном духе К. Хандке [K. Handke 2008, 381] определяет стиль как «способ оформления высказывания, состоящий в определенном выборе языковых средств, соответствующих намерению говорящего».

Прагматика как научное направление сформировалась намного позднее – в 60-е годы XX века. Как и стилистика, исторически прагматика восходит к риторике [Моррис 1983, 63], однако фокусирует внимание на другом аспекте речевой деятельности. Ч. Моррис [1983, 62 и др.] писал, что предметом прагматики является «отношение знаков к их пользователям», а отношение это конкретизировал следующим образом:

Семантическое правило имеет своим коррелятом в прагматическом измерении навык интерпретатора использовать знаковое средство при определенных обстоятельствах и, наоборот, ожидать что-то, если используется данный знак [Моррис 1983, 65].

Хотя в литературе прагматика часто понимается широко – как «наука об употреблении языка» [Levinson 1983, 5; Grzegorzczukowa 2014, 8], а к области прагматики относят такие разные явления, как речевые акты, индексальные знаки, пресуппозиции и импликация, экспрессивность, речевой этикет, ситуативно обусловленные коннотации (контекстные значения) и др.⁵, в определении Морриса достаточно четко указано на то, что главным предметом прагматики являются речевые действия. Если с точки зрения стилистики языковой знак представляет собой симптоматический феномен: он обусловлен (или мотивирован) внешней средой по принципу соответствия, то с точки зрения прагматики знак сам является мотивирующим феноменом: он детерминирует некоторые следствия, в связи с его употреблением, по словам Морриса, следует «что-то ожидать». Прагматическая проблематика касается плана содержания⁶ и плана выражения речевых актов, а также условий их реализации.

Различие стилистики и прагматики проявляется также в онтологическом аспекте. Стилистика (как и риторика) имеет отношение к речевым

⁵ Упомянутая выше Р. Гжегорчикова пишет, что прагматика должна заниматься описанием употребления лексических знаков в определенных коммуникативных ситуациях. Другие авторы [Bogusławski, Wawrzyńczyk 1993, 33] к сфере прагматики относят явления социолектного характера, а также характеристики, которые традиционно считаются стилистическими. В новой книге А. Богуславского [Bogusławski 2021, 60] к области прагматики относятся метафора и метонимия. Напротив, украинская исследовательница А.А. Евграфова [Свграфова 2009, 43] трактует шутку и иронию как стилистические категории, хотя, в принципе, они представляют собой типы речевых действий. Л. Хикей [Hickey 1993, 577] указывает на различия подходов к прагматике в американской и западноевропейской научной традиции. В Европе, по его мнению, прагматика трактуется более широко – в ее сферу входит конверсационный анализ, критический анализ дискурса, лингвистика текста, психолингвистическая и социолингвистическая проблематика.

⁶ План содержания в свою очередь включает перформативные намерения говорящего и запрограммированные эффекты.

феноменам большого формата: объектами стилистических исследований являются группы текстов и отдельные тексты, хотя стилистические пометы мы находим также в словарях. Прагматика имеет дело с единицами малого формата – простыми высказываниями, применительно к которым сформулированы основные правила речевого поведения⁷. Теория прагматики была создана в рамках аналитической философии, а Дж.Л. Остин, Дж. Сёрл, П.Ф. Стросон и другие теоретики функционального прагматизма были философами. Поэтому ее предмет, особенно на этапе становления данной научной дисциплины, рассматривался с точки характерной для логико-философских исследований категории истины. В связи с этим в центре внимания было простое высказывание как языковая единица, соответствующая логическому суждению. Свидетельством тому может быть фрагмент из первой лекции Остина:

Философы очень долго полагали, что единственное назначение «утверждения» (statement) – «описывать» некоторое положение дел или «утверждать» некий факт, и причем всего либо в качестве истинного либо ложного. (...) Но все-таки в последнее время многое из того, что безусловно принималось (...) как «утверждение», подверглось строгому пересмотру [Остин 1986, 23-24].

Благодаря такой постановке вопроса было обращено внимание на перформативную функцию высказываний, в частности, на их роль в реализации коммуникативных интеракций. Высказывание при этом рассматривается не как языковая форма, адаптированная к условиям употребления (что соответствовало бы стилистической точке зрения), а как инструмент целенаправленного действия субъекта, т.е. с точки зрения перспективы речи. Если стилистика объясняет, ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ – ссылкой на соответствующий ситуационный контекст, то прагматика объясняет, ЗАЧЕМ МЫ ГОВОРИМ – ссылкой на перформативное намерение речевого субъекта⁸. Это различие можно показать на примере высказываний, реализующих одну и ту же прагматическую функцию, однако относящихся к разным функциональным стилям:

- (1) Ответьте, пожалуйста, на один вопрос!
- (2) Не соблаговолите ли Вы мне ответить на один вопрос?
- (3) У меня вопросец встал...

Все три высказывания выражают просьбу, однако по своей форме первое имеет нейтральный, второе – книжный и устаревший, а третье – разговорный характер.

⁷ Позднее, в 90-е годы, было предложено и разработано понятие речевых макроактов [van Dijk 1992, 215].

⁸ А. Авдеев и Г. Хабрайская [Awdziejew, Nabrajska 2006, 12] пишут, что прагматический аспект коммуникативной грамматики состоит в исследовании условий, необходимых для реализации речевых актов, тогда как ее стилистический аспект (или аспект организации дискурса) состоит в исследовании механизмов выбора языковых форм высказывания.

2. От элокутивной стилистики к прагматилистике

Среди трех «измерений» знака (синтактики, семантики и прагматики) мы не находим стилистики⁹. Синтактика, семантика и прагматика представляют собой функциональные отношения знаков к другим знакам, десигнатам и интерпретаторам [Моррис 1983, 42], тогда как необходимым элементом функционального отношения, обуславливающего стилистическую характеристику знака, является сфера общественной деятельности, т.е. практический контекст речевого сообщения¹⁰. Трудно объяснить, почему контекстный фактор ускользнул от внимания Морриса, однако совершенно очевидно, что его роль в детерминировании не только плана выражения, но и (как будет показано далее) плана содержания и употребления языковых знаков исключительно важна. Это положение является центральным в этнографии речи Д. Хаймса, по мнению которого грамматические правила без учета правил их употребления в соответствующих условиях бесполезны [Hymes 1996, 33]. Задача говорящего – не просто создавать и воспроизводить грамматически правильные выражения, а осуществлять вербальные действия в соответствии с собственными намерениями и речевой обстановкой.

Учитывая факт, что в процессе речевой деятельности реализуются не только семантические, синтаксические и прагматические характеристики знаков, но также и их стилистическая маркированность¹¹, т.е. осуществляется выбор знаков в соответствии с обстановкой речи, контекстный фактор должен учитываться при описании измерений знака как обязательный. Тем самым можно констатировать, что в определении языка, которое мы находим у Морриса:

Язык в полном семиотическом смысле этого термина есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами [Моррис 1983, 67-68]

недостает важного элемента: практического контекста как фактора, детерминирующего стилистическую характеристику знаков¹². С учетом контекста модель языкового знака можно представить так, как показано на рис. 2. Приведенная схема означает, что речевой субъект, употребляя

⁹ Отдельным, четвертым «измерением» является также материальная форма знака, на изучении которой базируется традиционная формальная парадигма в языкознании – так называемое традиционное языкознание [см. подробнее об этом: Kiklewicz 2007, 21].

¹⁰ Встречается также термин «инструментальный контекст», см. [Nęcki 2000, 96].

¹¹ Можно также говорить о стилистической функции, см. [Kiklewicz 2004, 251].

¹² Стилистическая функция знаков появляется на определенной стадии развития языка, т.е. в условиях специализации производственных функций и ощутимой социальной дифференциации его носителей. Однако уже в первобытном обществе имеются ее зачатки, например, в виде гендерной маркированности языковых элементов, специальных магических, ритуальных и других форм.

формы и грамматические правила языка, а также принимая во внимание речевую обстановку (контекст), выражает некоторое семантическое содержание (т.е. представляет некоторое положение дел) и тем самым осуществляет речевой акт, т.е. реализует определенное прагматическое намерение, в котором заключена его волевая или рефлексивная (в случае реакции на предшествующие стимулы) целеустановка.

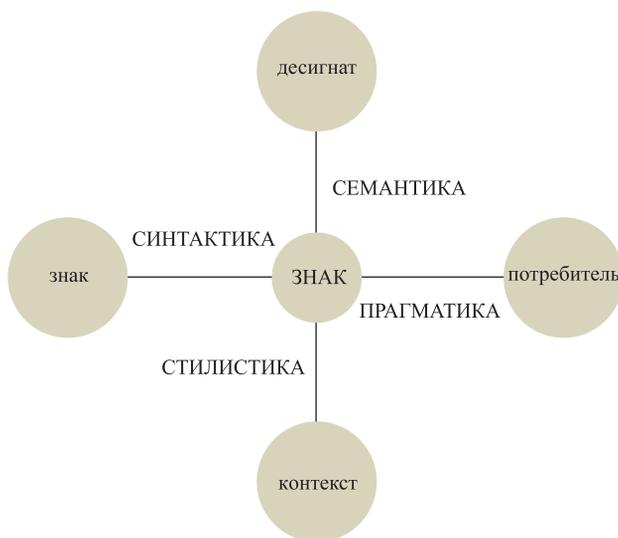

Рис. 2. Модель языкового знака

Особенность воздействия контекста на речевую деятельность состоит в том, что он не только определяет характер употребляемых в сообщении языковых форм (которым в модели соответствуют «знаки»), но и на их сочетаемость (т.е. синтактику), на их семантическое содержание и прагматические функции¹³. В работе [Kiklewicz 2004, 262 и др.] показано, что специфика стиля художественного текста связана не только с характером плана выражения, но также с тематическим профилированием его содержания. Об этом пишет О.Г. Ревзина [1989, 135] применительно

¹³ А. Авдеев и Г. Хабрайская [Awdziejew, Nabrajska 2006, 190 и др.] утверждают, что культивируемый традиционной стилистикой формальный подход к описанию стиля должен быть расширен за счет функционального подхода, а именно – описания целей, которые преследуются речевыми субъектами в связи с употреблением тех или иных языковых выражений [см. также: Свграфова 2009, 45]. Авторы коммуникативной грамматики предлагают разграничивать стили и речевые жанры: стиль определяется указанием на совокупность языковых форм, а жанр – указанием на прагматическую функцию текста. Хотя содержание стиля в коммуникативной грамматике соответствует традиционной стилистике, однако стиль трактуется не как факт материальной закреплённости языковых форм за определенной сферой употребления (не как коокуренстный феномен), а как рефлексивный феномен – следствие ассимиляции языковых выражений к целевым установкам субъектов.

к художественным идиостилиям. Существуют кроме того сюжетные мотивы, характерные для художественных текстов определенных эпох и определенных литературных формаций – они также представляют собой стилевое явление.

Подобным образом и речевые действия (как единицы прагматики) реализуются в условиях контекстуализации и тем самым могут рассматриваться как элементы стиля, соответствующего определенному фрагменту социальной жизни. Так, оказываясь в новой, незнакомой для себя коммуникативной ситуации, человек зачастую задает много вопросов, как, например, Заяц сказке Сергея Козлова «Ёжик в тумане»: попросившись в гости к Ёжику, чтобы вместе посумерничать, Заяц (который не знает, в чем заключается сумерничание), много спрашивает: «А как мы будем сумерничать?», «А можно, сумерничая, петь?», «А можно веселое?» и т.д.

В качестве другого примера можно привести иронический стиль, характерный для одесского дискурса, о чем пишет Н. Раковская:

Одесса к XIX – нач. XX вв. представляла собой определенный культурный срез. С одной стороны – множество интересных газет, (...) яркие драматические постановки итальянских режиссеров, прекрасная опера, ряд литературно-художественных обществ, появление новых писательских имен, с другой – провинциальное мировидение, различные национальные бытования, *неиссякаемый иронический стиль разговора* и т.д. [Раковская 2018, 82].

Подобных примеров можно привести множество – не только из сферы устной, но также из сферы письменной коммуникации. Например, вопросительные высказывания в целом не характерны для стиля научных текстов. Для разговорного стиля характерно частое употребление косвенных речевых актов, а в текстах рекламного стиля преобладают оценивающие и побудительные речевые акты.

Контекст существенно влияет также на синтактику сообщения, в частности, на организацию дискурса [Awdziejew, Nabrajska 2006, 191]. Синтаксический фактор чрезвычайно важен при определении художественного стиля, который, по мнению О.А. Крыловой [2004, 260], не располагает собственным набором языковых (в частности, лексических) форм.

С учетом факта, что влияние практического контекста на речевую деятельность имеет амбивалентный характер, т.е. касается всех измерений знаков, понятие стилистики и стилистической функции должно быть пересмотрено. По своей природе стиль, как известно, является интерсемiotическим понятием: существуют стили моды, стили цитирования, стили вождения, когнитивные, музыкальные, архитектурные и другие стили. Это должно склонять нас к мысли, что и в языкознании стиль не должен ограничиваться реестром языковых форм. Любая совокупность каких-либо элементов должна трактоваться как стиль, если она соответствует определенному практическому контексту. В речевой деятельности

реализуются не только разные стили выражения (изложения), но также разные стили ментального представления действительности (или одного из возможных миров) и разные стили речевых действий.

Можно, таким образом, констатировать, что предмет традиционной стилистики – это только одна область контекстуализации речевых сообщений, а именно – с точки зрения плана выражения речевых сообщений. Кроме этого существуют другие сферы такой контекстуализации – они касаются семантического содержания и прагматической функции. Ко всем этим случаям применима категория стиля как совокупности языковых элементов, а также их синтаксических, семантических или прагматических характеристик, соответствующих определенной сфере или определенным условиям речевой деятельности. Тем самым с учетом семиотической модели речевого поведения можно выделить три области стилистических исследований (см. рис. 3).

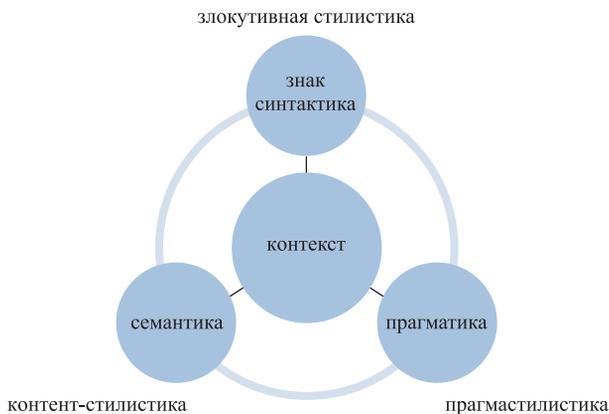

Рис. 3. Три области стилистических исследований

Элокутивная стилистика, которая, как было указано, вытекает из учения об элокуции, опирается на отношение КОНТЕКСТ > ЗНАК & СИНТАКТИКА, т.е. заключается в соотносении языковой формы сообщения (его лексического состава и синтаксической структуры) с внешними условиями речевого действия. Контент-стилистика опирается на отношение КОНТЕКСТ > СЕМАНТИКА и состоит в том, что в зависимости от обстановки речи говорящим осуществляется селекция и профилирование семантического содержания сообщений. Предметом прагматистики является отношение КОНТЕКСТ > ПРАГМАТИКА, т.е. изучение характерных для определенных коммуникативных ситуаций форм речевого поведения (речевых актов и коммуникативных кодексов). Л. Хикей [Hickey 1993, 578 и др.] указывает, что прагматистика представляет собой функционально-коммуникативную версию традиционной стилистики, ее расширение за счет введения прагматического

компонента. Она заключается в том, чтобы описать стилиевые элементы плана выражения высказывания или текста с точки зрения их прагматических функций, т.е. тех перформативных целей, которые реализуются говорящим. Тем самым проблемное поле стилистических исследований расширяется, так как в структуру бинарного отношения

практический контекст → языковая форма

добавляется третий элемент:

практический контекст → языковая форма → прагматическая функция

Библиография

- Austin John L. 1986. *Slovo kak dejstvie*. V: *Novoe v zarubežnoj lingvistike*. XVII: *Teoriâ rečevyh aktov*. Red. Gorodeckij B.Ů. Moskva: Progress: 22-130 [Остин Джон Л. 1986. *Слово как действие*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. XVII: *Теория речевых актов*. Ред. Городецкij Б.Ю. Москва: Прогресс: 22-130].
- Awdiejew Aleksy, Habrajska Grażyna. 2006. *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. 2. Łask: Leksem.
- Bogusławski Andrzej. 2021. *Lingwistyczna teoria mowy. Preliminaria*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Bogusławski Andrzej, Wawrzyńczyk Jan. 1993. *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej.
- Dijk Teun A. van. 1992. *Text and Context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London: Longman.
- Ėvgrafova Alla O. 2009. *St'ob âk movna praktika sučasno deideologizovanogo suspil'stva*. «Filologični traktati» No 1: 42-50 [Євграфова Алла О. 2009. *Стъоб як мовна практика сучасного деідеологізованого суспільства*. «Філологічні трактати» № 1: 42-50].
- Fix Ulla. 1992. *Stilanalyse – ein Mittel der Erziehung zum Widerspruch? Pragmatische Analyse eines Anweisungstextes*. „Deutschunterricht“ Nr. 3: 128-136.
- Fix Ulla. 2007. *Stil – ein sprachliches und soziales Phänomen: Beiträge zur Stilistik*. Berlin: Frank & Timme.
- Fleischer Michael. 2007. *Zarys ogólnej teorii komunikacji*. W: *Mechanizmy perswazji i manipulacji*. Red. Habrajska G. Łask: Leksem: 29-72.
- Grzegorzycowa Renata. 2014. *O różnych rozumieniach pragmatyki w językoznawstwie*. „Biuletyn PTJ” nr LXIX: 5-22.
- Handke Kwiryna. 2008. *Socjologia języka*. Warszawa: PWN.
- Handke Ryszard. 2008. *Poetyka dzieła literackiego*. Warszawa: PWN.
- Hickey Leo. 1993. *Stylistics, Pragmatics, and Pragmastylistics*. “Revue Belge De Philology Et D'histoire” Nr. 71 (3): 573-586.
- Hickey Leo. 1989. *The pragmastylistics of hypothetical discourse*. London: Routledge.
- Hinnenkamp Volker, Selting Marget (Hrsg.). 1989. *Stil und Stilisierung: Arbeiten zur interpretativen Soziolinguistik*. Berlin: De Gruyter.
- Home Henry. 1977. *Osnovaniâ kritiki*. Moskva: Iskusstvo [Хоум Генри. 1977. *Основания критики*. Москва: Искусство].

- Hymes Dell. 1996. *Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality. Toward an Understanding of Voice*. London: Taylor & Francis.
- Kiklewicz Aleksander. 2004. *Podstawy składni funkcjonalnej*. Olsztyn: Wydawnictwo UWM.
- Kiklewicz Aleksander. 2007. *Zrozumieć język: Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask: Leksem.
- Kiklewicz Aleksander. 2015. *Styl jako kategoria lingwistyki międzykulturowej*. „Stylistyka” nr XXIV: 7-28.
- Kożin Aleksandr N., Krylova Ol'ga V., Odincov Viktor V. 1982. *Funkcional'nye tipy russkoj reči*. Moskva: Vyssšaa škola [Кожин Александр Н., Крылова Ольга В., Одинцов Виктор В. 1982. *Функциональные типы русской речи*. Москва: Высшая школа].
- Krylova Ol'ga A. 2004. *Eše raz o meste ázyka hudožestvennoj literatury v sisteme funkcional'nyh stilej russkogo literaturnogo ázyka*. „Stylistyka” nr XIII: 253-266 [Крылова Ольга А. 2004. *Еще раз о месте языка художественной литературы в системе функциональных стилей русского литературного языка*. „Stylistyka” nr XIII: 253-266].
- Kurz Josef, Müller Daniel, Pötschke Joachim et al. 2000. *Stilistik für Journalisten*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Levinson Stephen. 1983. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morris Charles. 1983. *Osnovaniâ teorii znakov. V: Semiotika*. Red. Stepanov Ū.S. Moskva: Raduga: 37-89 [Моррис Чарльз. 1983. *Основания теории знаков. В: Семиотика*. Ред. Степанов Ю.С. Москва: Радуга: 37-89].
- Necki Zbigniew. 2000. *Komunikacja międzyludzka*. Kraków: Antykwa.
- Revzina Ol'ga. 1989. *Sistemno-funkcional'nyj podhod v lingvističeskoj poëtike. V: Problemy struktural'noj lingvistiki. 1985-1987*. Red. Grigor'ev V.P. Moskva: Nauka: 134-151 [Ревзина Ольга Г. 1989. *Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике. В: Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987*. Ред. Григорьев В.П. Москва: Наука: 134-151].
- Sandig Barbara. 1986. *Stilistik der deutschen Sprache*. Berlin: De Gruyter.
- Sowinski Berhrad. 1991. *Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen*. Berlin: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Tannen Deborah. 1984. *Conversational style. Analyzing Talk among Friends*. Norwood: Ablex Publishing Corporation.
- Vinogradov Viktor V. 1981. *Problemy russkoj stilistiki*. Moskva: Vyssšaa škola [Виноградов Виктор В. 1981. *Проблемы русской стилистики*. Москва: Высшая школа].

